

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А.А.ЖДАНОВА

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К РЕВОЛЮЦИИ

к 200-летию Великой французской революции
Межвузовский сборник под ред. проф. *В.Г.Ревуненкова*
Л.: издательство ЛГУ. 1988

В сборнике рассматриваются основные проблемы политической истории Великой французской революции, 200-летие начала которой в 1989 г. готовится отметить все прогрессивное человечество. Статьи содержат материалы, опровергающие представления, которые пропагандирует буржуазная наука о неизменности социальных структур и политических институтов Старого порядка в послереволюционную эпоху. Особое внимание уделяется проблемам политической культуры.

Веб-публикация: **Vive Liberta, 1 вандемьера ССХХI года**

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

Предисловие

Текст здесь: <http://vive-liberta.diary.ru/p180910172.htm>

Ревуненков В.Г. (Ленингр. ун-т). **Современные интерпретации Великой французской революции**

Копосов Н.Е. (Ленингр. ун-т). **Высшая бюрократия**

в политической системе Старого порядка

Озолинг А.Е. (Ленингр. ун-т). **Французская памфлетистика при Старом порядке**

Шпаковская И.А. (Ленингр. ун-т). **Роль периодической печати в политической системе Старого порядка**

Движенова Л.А. (Моск. ун-т). **О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века Просвещения»**

Текст здесь: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Лукьянец И.В. (Ленингр. ун-т). **Этико-политические взгляды аббата Сен-Пьера (1658-1743)**

Коротков С.Н. (Ленингр. ун-т). **Финансовая политика Французской революции: характер и итоги**

Текст здесь: http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Искюль С.Н. (ЛОИИ АН СССР). **Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции**

Соколов О.В. (МИАИВВС). **Высшие офицеры французской армии и революционное правительство 1792-1794 гг.**

Куркина Ю.В. (БАН АН СССР). **Вареннский кризис и французское общественное мнение**

Плавинская Н.Ю. (ИВИ АН СССР). **«Дух законов» Монтескье и публицистика Великой французской революции 1789-1799 гг.**

Текст здесь: <http://www.montesk.info/article/plavin1.html>

Хлобыстин А.Л. (Гос. Эрмитаж). **Л.-Л.Буальи художник эпохи Великой французской революции (опыт социологической интерпретации)**

Калитина Н.Н. (Ленингр. ун-т). **О празднествах эпохи Великой французской революции**

Нина Николаевна Калитина

О ПРАЗДНЕСТВАХ

ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Советская историография интересующего нас вопроса весьма примечательна. Празднества эпохи Великой французской революции особенно привлекали наших специалистов (искусствоведов, театроведов, музыковедов, филологов) в первые послеоктябрьские годы. Опыт самой великой из буржуазных революций, движущей силой которой были широкие народные массы, изучался в это время достаточно основательно. Переводились книги, брошюры, писались оригинальные статьи. В этом потоке литературы отводилось место и празднествам. Достижения французских революционеров, равно как и их просчеты в проведении зрелищных мероприятий, учитывались при проведении первых праздников молодой Советской республики.

Затем интерес к этим проблемам резко падает. В нашей стране накоплен большой собственный опыт проведения народных празднеств и «уроки» французам нам более не нужны. Но если отпадает, так сказать, практический интерес к этой теме, это не означает, что она перестает быть актуальной в историко-искусствоведческом аспекте. Тем более, что труды французских историков-марксистов и советских специалистов, появившиеся после второй мировой войны, дают основание для уточнения и пересмотра некоторых важных вопросов. В последние годы во Франции появились серьезные труды о революционных праздниках, а в 1974 году в Клермон-Феране был проведен специальный коллоквиум по этому вопросу. Многие из его участников выступили затем на страницах «Исторических анналов французской революции» (выпуск 1975 года), опубликовали статьи в сборнике «Праздники революции» (1977).

Празднества эпохи революции были качественно новым явлением как по своему содержанию, так и по формам выражения. К началу революции было ясно, что старые праздники (религиозные, монархические, карнавальные) исчерпали себя. Самое чувство праздника переживало кризис.¹

Отметим сразу же, что в празднествах французской революции счастливо соединялись два начала: стихийное движение народа и организующая воля революционных правительств.

¹ Annales Historiques de la révolution française. 1975, juin.—sept. P. 355.

Несмотря на то, что в Париже происходили жестокие, подчас трагические события, народ, совершивший революцию, был настроен празднично. «С утра до вечера, — писала мадам де Сталь в 1791 г., — это танцы, иллюминации, праздники: наконец он (народ. — Н. К.) чувствует себя счастливым и хочет показать свое счастье перед лицом врагов».² Позднее Ж. Мишле напишет о прекрасных праздниках, когда «весь народ, одновременно и участник, и свидетель, являл собой ... порыв нравственного энтузиазма, когда каждое сердце преисполнялось величием Франции, Отечества...».³ С другой стороны, сменявшие друг друга на протяжении революционного десятилетия правительства, несмотря на принципиальные различия между ними, отдавали себе ясно отчет в огромных пропагандистских и воспитательных возможностях праздников. Могло меняться их содержание, характер, но сама праздничная форма общения с людьми была очень популярна в революционный период. Соединяясь, эти два, идущие снизу и сверху импульсы давали удивительные, не имевшие исторических precedентов результаты. Ж. Собуль назвал праздники 1789—1794 годов «высшим проявлением искусства революции».⁴

Определяющей чертой революционных празднеств был их синтетический характер, объединение разных видов искусства. И трудно сказать, какой из этих видов был ведущим. Гремела музыка, пели хоры, разворачивалась пантомима, разыгрывались сцены, украшались и перестраивались площади и улицы, создавались специальные костюмы, колесницы влекли аллегорические скульптуры, участники церемоний несли эмблемы революции. Иногда приоритет получал один вид искусства, иногда другой в зависимости от доминирующей идеи праздника и таланта тех, кто его готовил.

К сожалению, сейчас трудно представить себе в полном объеме то удивительное зрелище, которое являли собой революционные праздники. Сохранились рисунки, гравюры, чертежи; сохранилась музыка (писавшиеся по случаю увертюры, гимны, марши); сохранился текст песен, речей; есть эскизы костюмов. Но исчезло то, что соединяло все эти компоненты воедино — само действие, движение массы участников, и, если говорить об интересующей нас прежде всего изобразительной стороне, исчезли все те арки, колонны, панно, которые создавались из временных непрочных материалов, исчез цвет, бывший существенным зрелищным компонентом праздника. Очевидно, лишь современный кинематограф мог бы дать полное представление обо всем происходящем. Но его не существовало и сейчас только воображение, подогретое описаниями современников, способно

² Isambert G. La vie à Paris pendant une année de la révolution (1791—1792). Paris, s. d. P. 72.

³ Michelet J. Histoire de la révolution française. T. 1. Paris, 1868. P. 42.

⁴ Les fêtes de la révolution. Clermont-Ferrand, 1977. P. 3.

воссоздать величественную картину одного из самых впечатляющих явлений культурной жизни революционных лет. Помочь в этом могут страницы исторических и литературных трудов, то ли предвидевших будущее, то ли воскрешающих минувшее. «Неужели республике не нужно никаких зрелищ?» — вопрошал Ж. Ж. Руссо. И отвечал: «Напротив, их нужно много. Они родились в Республике, в ее лоне они блистают истинно праздничным светом... Но что будет служить предметом этих зрелищ? Что на них будут показывать? Ничего, если хотите. Поставьте посреди площади шест, увитый цветами, соберите вокруг него народ, и у вас будет праздник. Сделайте еще лучше: введите зрителей в зрелище, превратите их самих в актеров; пусть каждый видит и любит себя в других, для того, чтобы все соединялись крепче».⁵ Как увидит читатель, деятели революции, особенно Робеспьер, следовали заветам Руссо, во многом лишив, правда, революционные празднества идиличности и сельской простоты, которые в новых условиях были неуместны. «Система праздников, — утверждал Робеспьер; — служила бы одновременно созданию самых сладких уз братства и самым могущественным средством возрождения. Пусть у вас будут общие и более торжественные праздники для всей Республики; пусть у вас будут отдельные праздники и для каждой местности».⁶

Вряд ли целесообразно останавливаться на всех праздниках революционных лет. Их было много и происходили они не только в столице. Многие элементы праздничного ритуала нередко повторялись, тем более, что их организаторами чаще всего были одни и те же лица: живописец Давид, композиторы Госсек и Меюль, литератор М. Ж. Шенье. Поэтому выделим лишь некоторые, наиболее значительные праздники, которые и в идейном, и в художественном отношении определяли эволюцию в этой области.

Первый национальный праздник, имевший огромный резонанс по всей Франции, — это праздник Федерации, состоявшийся в годовщину взятия Бастилии 14 июля 1790 года. Местом его проведения было избрано Марсово поле, на котором необходимо было провести значительные подготовительные работы. Народ Парижа с радостью занялся ими. «Даже лишенные голоса пролетарии с воодушевлением трудились над подготовкой Марсова поля к празднику; были там „белая сторона“ и „черная сторона“, угольщики, черные от угольной пыли, и грузчики с Центрального рынка, белые от муки, и между „черными“ и „белыми“ развернулось веселое соревнование, кто больше перевернет земли во славу Революции... Выравнивая землю и на-

⁵ Тьерсо Ж. Празднества и песни Французской революции. Пг., 1917. С. 23.

⁶ Робеспьер М. Избр. произв. Т. III. М., 1965. С. 177.

сыпая ее для сооружения величественного амфитеатра... рабочие пели "Ça ira", революционные куплеты...».⁷ Точно к сроку приготовления были завершены.

Гравюры сохранили нам изображения Марсова поля до и во время праздника. Перед зданием Военной школы создали величественную эллипсоподобную арену. С трех сторон ее окружал амфитеатр для публики. Напротив Сены (ближе к Военной школе) размещались трибуны для членов Национального собрания с королевским тронем в центре. Вход на арену осуществлялся через трехсводчатую арку, украшенную скульптурой. Свободное пространство арены предназначалось для движущихся колонн; в центре его возвышался Алтарь Отечества. Он представлял собой внушительное сооружение в форме четырехгранника, к которому вели четыре лестницы. Углы обозначались треножниками в античном духе. Композиция всего ансамбля отличалась простотой, продуманностью, выраженной ориентацией на античность. В грандиозных формах Алтаря и арки чувствовалась связь с той линией в развитии предреволюционной архитектуры, которая была представлена проектами Леду и Булле, так и не воплотившимися в жизнь.

Мы знаем из описаний современников обо всех этапах торжественной церемонии. Служил службу Талейран, говорил речь Лафайетт, присягали солдаты Национальной гвардии, депутаты, король, звучала музыка Госсека, стреляли пушки. Кортеж официальных лиц и департаментских делегаций дефилировал около четырех часов. Ведь своих представителей прислали восемьдесят три департамента страны! Причем церемония была окружена всякого рода микропраздниками, проходившими около Марсова поля, а после окончания официальной части и на нем. Именно в этом «кольце» истинно народного праздничного веселья раскрывается демократический характер происходящих событий. Ромен Роллан говорил о празднике Федерации как о «величественном», исполненном «братского воодушевления».⁸

Если же теперь обратиться к тому, что нас особенно интересует — к художественному оформлению праздника, то необходимо отметить следующее. Общую цельность стилистического решения, базирующуюся на усвоении опыта предшествующего развития, проходившего в значительной мере под знаком классицизма. Влияние античности проявлялось и в крупных сооружениях, например арке и в деталях (барельефы, треножники и т. д.). Были включены в общую декорацию элементы природы (ряды деревьев за трибунами, сама Сена, через которую был перекинут мост). Эта тенденция со временем будет усиливаться, свидетельствуя об углублении руссоистских влияний. Из всех

видов пространственных искусств доминировала архитектура, за ней шла скульптура. «Недостаток» живописи восполнялся широким введением в общую декорировку цвета (драпирующая трибуны материя, костюмы национальных гвардейцев, оркестрантов и др.).

Были введены в композицию праздника эмблемы и символы (треугольники, сферы, венки из лавра и т. д.), а также надписи.

Перевернем теперь несколько страниц истории революционных празднеств и остановимся на церемонии совсем иного типа, чем праздник Федерации. Мы имеем в виду перенесение останков Вольтера в Пантеон, ставший усыпальницей великих сынов Франции. Оно состоялось 11 июля 1791 года. Вольтер умер в 1778 году и, естественно, что элемент скорби от внезапной утраты, столь ярко выразившийся на похоронах Мирабо, а в дальнейшем Марата, на захоронении останков Вольтера отсутствовал. Ритуал прежде всего подчеркивал величие Вольтера, был его посмертным триумфом. Мотив шествия, бывший одним из ведущих элементов на празднике Федерации, в этот день получает дальнейшее развитие: шествие проходит теперь практически через весь центр Парижа. Оно начинается на площади Бастилии, где был установлен саркофаг, следует по правому берегу Сены до площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), через мост переходит на левый берег и движется к Пантеону. По дороге делаются остановки перед зданием театров, где игрались пьесы Вольтера, перед домом, где он умер. Выступают артисты, играет музыка. Что касается самой процессии, то в ее оформлении было усилено изобразительное начало, что, быть может, было связано с участием Давида.⁹ Несли копию гудоновской статуи Вольтера, бюсты и медальоны Руссо и Франклина. В руках идущих был ларец с трудами Вольтера, написанные крупными буквами его изречения. Участники шествия несли копию здания Бастилии и «реальные» камни от разрушенного здания. Двенадцать белых лошадей влекли колесницу с саркофагом, украшенным надписями и фигурами гениев смерти. На саркофаге возлежала фигура Вольтера, сделанная из подкрашенного гипса. Крылатый гений бессмертия держал над головой Вольтера венок из лавра. В отличие от праздника Федерации, где, как мы уже отмечали, «вела» архитектура, на триумфе Вольтера главенствовала скульптура. Подражание античности ощущалось в оформлении церемонии очень ясно: характер колесницы, саркофага, его декор, парящий гений, статуя Вольтера в античном одеянии, бюсты, напоминающие римские скульптурные портреты, костюмы.

⁹ Брукнер А. (Brookner A. David. London, 1980. P. 105) высказывается по этому поводу вполне определенно: колесница Вольтера была написана Давидом. А. Шнаппер (Шнаппер А. Давид. М., 1984. С. 118) более осторожен.

⁷ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции т. 1. Кн. 2. М., 1977. С. 161—162.

⁸ Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. М., 1958. С. 258.

Можно, конечно, обвинить организаторов праздников в откровенном подражательстве, в эклектизме. Думается, однако, что по отношению к празднествам такого рода ориентация на античность сыграла положительную роль. Во-первых, как уже говорилось, она придавала зрелищам стилистическую цельность, а во-вторых, эта ориентация не была ни бездумной, ни слепой. Брали то, что могло «работать» на современность. От многократного повторения античных образов и символов они становились понятными для широкого зрителя, входили в быт. В-третьих, с античными элементами органично связывались иные детали, почерпнутые то ли из карнавалных шествий (например, фигура Глупости, следовавшая за Свободой на празднике в честь полка Шатовье 15 апреля 1792 г.), то ли из арсенала египетского искусства (пирамида на празднике в честь погибших 10 августа 1792 г., статуя Природы на празднике 10 августа 1793 г. — годовщина свержения монархии).

В проведении последних двух праздников наблюдаются некоторые новые по сравнению с первыми праздниками черты. Мишле пишет, воскрешая церемонию в память погибших 10 августа 1792 г., что никогда еще ни один праздник (мы позволим себе, как и другие авторы, воспользоваться этим словом и для обозначения торжественно-траурных церемоний) не наполнял души таким ощущением траура, смертельной тоски. Он вспоминает о черной сарже, драпировавшей пирамиду, о белых платьях с черными кушаками у участников, о черных саркофагах... Мишле завершает: «Строгие гимны Шенье, жуткая и грозная музыка Госсека, надвигавшаяся со своим траурным флером ночь — все наполняло сердца каким-то упоением смертью и мрачными предчувствиями».¹⁰ Конечно, Мишле не был свидетелем описываемого, однако, изучая материал, он очень верно почувствовал особые нюансы, настроения, отличные от всего того, что происходило во время предыдущих траурных церемоний. Действие происходило в саду Тюильри, ставшем Национальным садом, его начало было приурочено к 9 часам вечера, а заканчивалось все в 12 ночи. Участники держали в руках тревожно мерцавшие факелы. Весь арсенал изобразительных средств зывал не к безучастному, благоговейному созерцанию, а к соперживанию, настраивал на меланхолический лад. М. Озуф пишет, что именно в такого рода празднествах наиболее ярко проявлялись элементы экспрессионизма, предромантизм.¹¹ Не вдаваясь здесь в споры по поводу возможности использования этих терминов, отметим, что с каждым годом расширялся тематический диапазон праздников, более разнообразными становились используемые художниками-оформителями средства.

Рационализм все чаще и чаще перемежался с чувствительностью. Возможно, как это делает Озуф, увидеть в этой апелляции к чувству ростки романтизма. Можно вспомнить и уходящий в прошлое сентиментализм. Очевидно, имело место и то и другое. В данном случае нам важно подчеркнуть иное. И Конвент, и Давид, который был фактически проводником его художественной политики, думается, прекрасно понимали, что невозможно ограничиться декларированием общих мест, высоких понятий, даже таких «святынь», как Свобода, Равенство, Братство, Родина. Необходимо было найти ключ к сердцу человека, живущего трудной повседневной жизнью. Так, скажем, на празднике 10 августа 1793 г., всецело организованном Давидом, был и поцелуй мира, и дети, влекущие повозку с престарелыми родителями, и выпускаемые на свободу птицы, и братская трапеза на траве, и многое другое в том же духе.

Своего рода завершением серии празднеств, связанных с периодом якобинского Конвента, явилось торжество в честь «Верховного существа», состоявшееся 8 июня 1794 г. Позволим себе в связи с упоминанием этого праздника остановиться на речи Робеспьера на заседании Конвента 7 мая 1794 г., ибо эта речь носит программный характер и дает основание для существенных выводов. Речь называлась «Об отношении религиозных, и моральных идей к республиканским принципам и о национальных праздниках». Первая ее часть носила исключительно политический характер. Во второй оратор говорил о нравственном воспитании через праздники и о культе Верховного существа. «Соберите людей; вы сделаете их лучшими, потому что собравшиеся люди будут стремиться нравиться друг другу и они смогут добиться этого только тогда, когда своими действиями вызовут уважение к себе. Пусть они соберутся по важному моральному или политическому поводу... Национальные праздники должны пробуждать благородные чувства: любовь к свободе, любовь к родине, уважение к законам». Они должны осуждать изменников и тиранов, воздавать общественную благодарность «героям свободы и благодетелям человечества... Пусть они будут украшены и отмечены соответствующими их предмету эмблемами». Робеспьер говорил и о том, что праздники должны проходить под покровительством Верховного существа (истинным служителем которого является природа, храмом — вселенная, культом — добродетель). Праздник в честь Верховного существа — «это радость великого народа, собравшегося перед ним для того, чтобы завязать сладостные узы всемирного братства и выразить ему признательность чувствительных и чистых сердец».¹²

С одной стороны, речь Робеспьера была адресована будущему, поскольку в ней говорилось о Верховном существе, культ

¹⁰ Michelet J. Histoire de la Révolution française. Т. 4. Р. 75—76.
¹¹ Ozouf M. La fête révolutionnaire. Paris, 1976. Р. 97—98.

¹² Робеспьер М. Избр. произв. Т. III. С. 176—177.

которого только еще должен был быть введен. Но с другой стороны, в речи уже обобщался определенный опыт, в частности, опыт праздников, происходивших ранее. Большинство из названных Робеспьером положений (по части праздников) уже было реализовано в праздниках II года Республики.

В заключение выступления Робеспьер огласил проект декрета, принятого Конвентом. Среди пятнадцати включенных в него пунктов находился обширный перечень предстоящих праздников. Пункт IX гласил: «Национальный Конвент призывает всех талантливых людей, достойных служить делу человечества, к чести оказания помощи в устройстве праздников гимназии и гражданскими песнями и всеми средствами, которые могут сделать их более прекрасными и полезными». В пункте X значилось: «Комитет общественного спасения отличит работы, которые он сочтет способными выполнить эти цели и вознаградит их авторов».¹³ Так еще раз подтверждалось уже существовавшее сотрудничество революционного правительства и принявших революцию талантов. И, как бы подтверждая этот союз, на трибуну сразу же за Робеспьером поднялся Давид, огласивший план проведения праздника в честь Верховного существа.

Праздник состоял из двух частей. Он начинался в Национальном саду (Тюильри), заполненном народом. Военственная музыка разгоняла сон и народ приветствовал восходящее светило (как тут не вспомнить языческие культы!). На балкон Павильона единства (один из павильонов дворца Тюильри) вышел Конвент во главе с Робеспьером. «Неподкупный» был в «голубом фраке и нанковых панталонах. В руках его, как и у всех его товарищей, был букет из колосьев, цветов и плодов».¹⁴ Между двумя речами Робеспьер спустился с балкона, взял в руки факел и поджег картонную статую Атеизма. Сгорая, она открыла спрятанную в футляре прекрасную статую Мудрости.

Затем следовало пение гимна в честь Верховного существа. На этом первая часть заканчивалась. Люди направлялись в сторону Марсова поля, ставшего Полем Единения. Не будем опять-таки перечислять всех входивших в состав шествия «составляющих». Была и статуя Свободы на колеснице, восседающая под дубом и окруженная атрибутами труда, искусств и плодами французской земли. Были трехцветные ленты, венки из цветов и т. д. На Марсовом поле, куда устремлялось шествие, были проведены новые подготовительные работы. На месте Алтаря отечества возвышалась Гора. Среди гротов, кустарников, камней на ее склонах разместились депутаты Конвента, музыканты; представители парижских секций, старцы и мальчики с одной стороны, матери семейств и девушки — с другой.

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Олар А. Культ разума и культ Верховного существа во время Французской революции. Л., 1925. С. 205.

Юноши окружали подножие Горы, а по полю растекались двумя потоками колонны мужчин и женщин. По сигналу расположенных на вершине Горы трубачей началось исполнение гимна в честь Верховного существа. Затем под грохот канонады присутствующие бросали цветы, обнимались на подвиги мужчин, потрясавших оружием (заметим, что после того, как в июле 1792 г. был принят декрет, объявляющий отечество в опасности, все праздники стали включать ту или иную демонстрацию патриотизма, непримиримости к врагам). Изобразительной доминантой праздника была Гора. Она символизировала возвысившийся в результате революции род человеческий и широко использовалась во время праздников в других городах Франции, например в Лионе на празднике Федерации в 1790 г. Если в Лионе ее увенчивала статуя Свободы, то в Париже — дерево Свободы с прикрепленным к нему шестом с фригийским колпаком и трехцветным флагом. Неподдалеку от Горы находилась колонна, увенчанная фигурой Гения Свободы.

Последующие события отбросили на праздник в честь Верховного существа зловещую тень. Не прошло и нескольких недель, как в июле 1794 г. главное действующее лицо праздника и его вдохновитель Робеспьер вместе со своими сторонниками был гильотинирован, а «режиссер» его — Давид оказался в тюрьме. Наступил период термодорианской реакции.

Чем же был праздник в честь Верховного существа? Он был своего рода кульминацией тех руссоистских тенденций, которые и раньше проявлялись в праздничных ритуалах, но приобрели теперь особенно широкое распространение. В этом, безусловно, сказались вкусы Робеспьера, находившие поддержку у Давида. Тема Робеспьер и Давид представляет огромный интерес для исследователя, ибо в этих двух личностях реально воплотился союз политики и искусства. Существуют мнения, что в устах Робеспьера и делах Давида были значительные различия.¹⁵ Думается, однако, что если эти различия и имели место, то были не столь значительны, чтобы усматривать противоречие во взглядах художника и политического деятеля. Организатора праздника в честь Верховного существа Давида, например, упрекали в том, что он мало вовлекал народ в действие, ориентировался на взгляд со стороны. Справедливо ли это обвинение? Напомним, что праздник 1794 г. проходил в совсем иных условиях, чем праздник Федерации. Друг за другом прошли казни Дантона, Эбера, Шометта и их приверженцев. Якобинцы потеряли поддержку шедших за ними раньше санкюлотов. Все это создавало обстановку напряженную, чреватую новым взрывом. И вот окрашенный идиллическостью праздник, на

¹⁵ Мазаев А. Празднества Великой французской революции // Декоративное искусство. 1978. № 1. С. 40.

который Робеспьер возлагает большие надежды. И действительно, план Давида создавал возможность для их реализации. Можно согласиться с А. Оларом, когда он называет его «прекрасным, достойным во всех отношениях как предстоящего торжества, так и артиста, его создавшего».¹⁶ Конечно, в этом плане особенно чувствовался Давид — мастер станковой картины, привыкший иметь дело не столько с пространством реальным, сколько с пространством, воссозданным на полотне. И в своем плане 1794 г. он сделал акцент на стороннее восприятие, что не исключало и непосредственного приобщения к нему желающих. Достаточно посмотреть гравюры, запечатлевшие праздник в честь Верховного существа, чтобы увидеть, что к нему так или иначе приобщилось достаточно много народа. Церемония в целом удалась, потому что народ ее поддерживал. И дело здесь было не в приверженности Робеспьеру, не в поддержке не очень понятного толпе культа Верховного существа, а в том, что и этот праздник, как и предыдущие, олицетворял торжество революции и заканчивался словами: «Да здравствует Республика!» Праздник был согрет искренним патриотическим чувством. Ведь весной 1794 г. почти все военные операции были перенесены на территорию противника, а в мае при Туркуэне северная армия разбила австрийцев. Предоставим слово Стендалю: «... в 1794 году у нас не было никакой религии; наше сокровенное, подлинное чувство было сосредоточено на одной мысли: принести пользу отечеству. На улице наши глаза наполнялись слезами, когда мы видели надпись на стене в честь юного барабанщика Бара... Различные празднества, частые и волнующие церемонии, питали нас, не знавших никаких других многолюдных сборищ».¹⁷

С падением Робеспьера и его сторонников народные празднества не прекратились. Однако знакомство с разного рода праздниками, проведенными в период Термидора и Директории, дает впечатляющую картину того, как постепенно выдыхается праздничный ритуал, как из него уходят истинно народные черты, как трансформируется его стилистика. Из трех главных действующих лиц, игравших ведущую роль в проведении праздника II года Республики, на художественной арене после Термидора остался лишь М.-Ж. Шенье. Намеченный на 10 термидора праздник в честь перенесения в Пантеон останков юных героев Бара и Виала не состоялся — в этот день казнили Робеспьера.

Как это не парадоксально, первый праздник после термидорианского переворота был посвящен Марату. Новое правительство фактически к нему было мало причастно, так как решение

о почестях Пантеона для Марата было принято в начале II года. 21 сентября 1794 г. кортеж с останками Марата двинулся к Пантеону. Конвент не участвовал в нем. Тем не менее зрелище было внушительным. Народ помнил и любил своего друга. Он охотно пел песни, шел за колесницей, влекомой украшенными плюмажами лошадьми, нес эмблеми, цветы.

За перенесением останков Марата в Пантеон последовала церемония перенесения туда останков Руссо. Напомним, что Руссо был одним из кумиров революции. В столице и провинции устанавливались его бюсты, проводился конкурс на его статую, руссоистские идеи воплощались при оформлении празднеств и т. д. Конвент принял решение о перенесении останков Руссо в Пантеон еще 14 апреля 1794 года. 11 октября 1794 года это постановление было осуществлено. Руссо был похоронен в Эрменонвилле на острове. За два дня до церемонии его останки перевезли в Париж и поместили на искусственном острове посередине пруда в Тюильри. О том, как выглядел этот остров, дают представление картины художника Гюбера Робера, запечатлевшего остров при дневном и вечернем освещении. «Вечерний» вариант настраивает на романтический лад: трепещут отсветы факелов, освещающих кенотаф, из полумрака выступает вода и несколько людских фигурок. Заметим, что, как и другие временные сооружения (арки, горы, роши, колонны), остров Руссо был создан с невиданной до того быстротой. При проведении ритуала перезахоронения очень существенную роль играла музыка Госсека. В шествии участвовали представители естественных наук, ремесленники с орудиями своего труда и многие другие. Замыкал кортеж Конвент, которому предшествовала колесница со статуей Свободы. Участники церемонии несли тексты Декларации прав человека и гражданина.

Уже церемония перенесения останков Руссо, а особенно последовавшие за нею празднества продемонстрировали изменения в художественном оформлении торжеств. То, что Давид долгое время был ведущим при организации празднеств, накладывало на них свой отпечаток. Художник неизменно придавал большое значение всякого рода пространственным зрительным ориентирам (аркам, колоннам, пирамидам, алтарям), широко использовал скульптуру, органично связывал с изобразительными элементами надписи. С устранением Давида от оформления празднеств эти элементы стали постепенно исчезать, как исчез незаметно без каких-либо специальных решений культ Верховного существа. Некоторые сооружения, эмблемы стали сознательно уничтожаться, потому что их существование было признано вредным. Так, скажем, была разрушена Гора на Марсовом поле, как символ надменности и чванства, и на ее месте снова появился Алтарь. В 1795 г. (не прошло и года со времени пантеонизации Марата) начали исчезать разбиваемые «мюскаденами» бюсты друга народа. Термидорианский Конвент по-

¹⁶ Олар А. Культ разума и культ Верховного существа во время Французской революции. С. 204.

¹⁷ Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М., 1959. С. 206.

... самоуправство и постановил... выоросить, рассеяв их по ветру, останки Марата.

Вскоре после «триумфа» Руссо при обсуждении плана проведения национальных и декадных праздников в Конвенте выступил М.-Ж. Шенье. Настроенный враждебно против Робеспьера и Давида Шенье, признавая необходимость праздников, резко высказался по поводу тех праздников, которые прошли во II году республики. Он говорил о торжествах, «перегруженных гражданскими тряпками и претенциозными лохмотьями», о «мелочной регламентации», утверждал, что «декрет — не картина» и т. п. Приводящий эти слова Ж. Тьерсо замечает, что Шенье верно подметил некоторые слабые стороны давидовских идей. Но, отвергнув давидовские начинания, термидорианцы отвергли и «все, что в этих концепциях заключалось величавого и истинно художественного».¹⁸ С этих пор художественная сторона праздников неуклонно падает. В крайнем случае повторялось старое, привычное.

Если церемонии перенесения останков Марата и Руссо тяготели к эпохе Робеспьера и Давида, то праздник Побед, прошедший 21 октября 1794 года, был, как замечает Озуф, чисто термидорианским.¹⁹ Военные экзерсисы на Марсовом поле, марш к Храму Бессмертия, где были сложены трофеи, начертанные на стенах пирамиды названия армий — все это придавало празднику подчеркнuto военизированный характер. Надо сказать, что на 1794—1798 гг. приходится выдающиеся успехи республиканских армий. Они кружат головы, вызывают неподдельный энтузиазм и... оттесняют на второй план политические праздники вроде праздника в честь взятия Бастилии или дня провозглашения республики, а также морально-этические торжества вроде праздника Супружества, Детства и т. д. Так, 29 мая 1796 г. прошел праздник «Благодарения и Побед в честь первых успехов в итальянской кампании». Затем последовали праздники в честь заключения Кампоформийского мира, а 29 июля 1798 г. состоялся «Праздник Свободы и торжественный въезд предметов наук и искусств из Италии». Последний праздник заслуживает особого упоминания. В его проведении, как в зеркале, отразился изменившийся характер праздничных ритуалов. Перед парижанами дефилировали трофеи: книги, рукописи, картины, статуи, переправленные из Италии, а позднее и других стран в результате завершения победоносных военных операций. Такого рода «шествия» подогревали шовинистические настроения, но как им было далеко до веселых песен и танцев в честь всемирной республики в день Федерации или идиллического «пития» воды из груди статуи Природы, делающего всех людей братьями!

На фоне всех этих блистательных торжеств с каждым годом

¹⁸ Тьерсо Ж. Празднества и песни Французской революции. С. 208.

¹⁹ Ozouf M. La fête révolutionnaire. P. 139.

все более отчетливо вырисовывается фигура Бонапарта. «Я прекрасно помню тот восторг, который его юная слава возбуждала во всех благородных сердцах», — вспоминал Стендаль.²⁰ И не так легко было рядовым французам, тягостно переживавшим первые военные неудачи республиканских войск, сменившиеся блистательными победами, почувствовать, когда эти войны стали превращаться из войн во имя защиты отечества в войны завоевательные. Тем более, что сам молодой генерал широко пользовался всем арсеналом республиканских праздников для поднятия собственной популярности.

Военные праздники становятся просто хорошо организованным парадом, долженствующим поразить воображение созерцающих их со стороны прохожих. Что касается других праздников, то все чаще и чаще местом их действия выбираются уже не улицы и площади, а закрытые помещения вроде залов заседаний Совета старейшин и Совета пятисот, сменивших в 1795 г. Конвент. Такие праздники становятся замкнутыми, камерными. Утрачивая присущие революционным праздникам черты, праздники времени Директории начали включать в себя и некоторые новые элементы, предвосхищая уже XIX век. Так, в 1798 г. праздник в честь Республики ознаменовался открытием на Марсовом поле Храма индустрии, в котором были показаны изделия французских фабрик и мануфактур.

После государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) народные праздники исчезли окончательно. Еще отмечались дни взятия Бастилии и провозглашения республики, но келейно, при закрытых залах. Военные же церемонии шли на улицах и площадях, привлекая толпы. Но эти церемонии уже не имели ничего общего с революционными празднествами.

Так закончилась одна из самых блистательных эпох в истории французских народных празднеств. Если попытаться графически воспроизвести кривую развития этих празднеств, имея в виду их демократический характер, идейную направленность и художественное своеобразие, то кривая эта будет выглядеть так. Неуклонное нарастание вплоть до 1794 года. Даже после Термидора в праздничных ритуалах держатся какое-то время утвердившиеся ранее черты, хотя, расправившись с «бешеными» и лишив себя народной поддержки, якобинцы в значительной мере подорвали и народную основу массовых празднеств. С 1795 года кривая развития праздников падает.

В праздниках революционных лет с особой силой проявилось народное воздействие на искусство. Г. В. Плеханов подчеркивал, что, «сделавшись „санкюлотским“, искусство вовсе не умерло и не перестало быть искусством, а только прониклось совершенно новым духом».²¹ В праздниках, процессиях и торжествах Великой французской революции видел Плеханов проявление народного духа.

²⁰ Стендаль. Собр. соч. Т. 11. С. 383.

²¹ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 1. М., 1958. С. 98—99.

Некоторые тематически связанные материалы

Н.Калитина. Великая французская революции и развитие изобразительного искусства в конце XVIII века
http://vive-liberta.narod.ru/journal/arts_revolution_fe-87.pdf

Р.Пельше. Нравы и искусство Французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/pelche_mores_arts_revolution-francaise.pdf

Ф.Бенуа. Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm

А.Чегодаев. "Наследники мятежной вольности". Пути художественного творчества от Великой французской революции до середины девятнадцатого столетия
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tchegodaev.pdf>

Ж.Тьерсо. Песни и празднества Французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p174766046.htm>